
Сборник рассказов
Книга 5
Диана Маргиева

Диана Маргиева

Сборник рассказов. Книга 5

«Автор»
2025

Маргиева Д.

Сборник рассказов. Книга 5 / Д. Маргиева — «Автор», 2025

Пятый в серии Сборник небольших фэнтези и мистических рассказов. Ведьмы, демоны, ангелы и призраки и другие мифические существа… Юмористические рассказы, триллеры и романтические истории - здесь найдутся истории на любой вкус.

© Маргиева Д., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Благими намерениями вымощена дорога в Ад 5
Звезда в хрущёвке Толика 8
Окно в мир 11
Галя, у нас отмена! 14
Земля дала, земля взяла 20
Без меня – хоть ремонт! 26
Незваная гостья 29
Дарёному коню в зубы не смотрят! 35
Охотница на богатых кавалеров 37
Что видит Аля в магазине электроники? 41
Конец ознакомительного фрагмента. 44

Диана Маргиева
Сборник рассказов. Книга 5

Благими намерениями вымощена дорога в Ад

Аркадий Валентинович сиял. Не от счастья или солнечного света, а от самодовольства, отражаясь в полированных поверхностях своего кабинета.

Его карьера в городской администрации была вымощена не кирпичами, а исключительно благими намерениями, которые, как известно, ведут куда угодно, только не к реальному результату. Он был мастером обещаний, виртуозом несбыточных надежд и народным артистом жанра «скоро сделаем».

Сейчас он баллотировался в мэры города Нижний Буруйск, и его предвыборная кампания была феерией дежавю.

– Городская больница №3, – вещал Аркадий Валентинович с трибуны, сжимая кулак, – будет отремонтирована! От фасада до операционных! Наши врачи получат высокую зарплату, новейшее оборудование, а пациенты – комфорт, качественную медицину и заботу!

Из толпы донёсся усталый вздох. Эту больницу он обещал починить ещё в прошлом веке, когда сам работал заместителем по вопросам благоустройства. Её стены держались на честном слове и паутине, а единственный аппарат МРТ был, по слухам, сделан из детали от старого трактора.

– Дороги! – продолжал Аркадий, – Наши дороги станут гордостью Нижнего Буруйска! Ни одной ямки, ни одного ухаба!

Люди переглядывались. Дороги, которые он клялся превратить в автобаны, теперь напоминали лунный пейзаж, где свежие ямы засыпались гравием, чтобы дать жизнь новым, ещё более глубоким провалам. Максимум, что происходило, – это новые ямы засыпали старым гравием.

– И, конечно же, – голос Аркадия Валентиновича набрал пафос, – мост! Мост через реку Вуюнку, который соединит две части нашего города, станет символом единства и процветания!

Мост. Этот мост уже давно превратился в памятник самому себе. Много лет назад на его месте был заложен первый камень, который быстро зарос бурьяном и стал излюбленным местом для выгула собак. Рядом с ним стоял ржавый плакат с надписью

«Скоро здесь будет Мост Дружбы», который выцвел и обвалился.

Аркадий Валентинович искренне верил в каждое своё слово. Ну, или очень хорошо делал вид. Он был уверен, что его намерения – самые что ни на есть благие. Он хотел лучшего для города, просто как-то так получалось, что реальность постоянно подводила его грандиозные замыслы. То бюджет не выделят, то подрядчики не те, то звёзды не сойдутся.

Выборы прошли.

Аркадий Валентинович, к его удивлению, не выиграл. Народ, хоть и был привычен к его обещаниям, на этот раз решил рискнуть с другим кандидатом, который, возможно, хоть что-то сделает.

Аркадий Валентинович был расстроен, но не сломлен.

Наверное я мало пообещал… Ничего, – думал он, – в следующий раз я обещаю ещё больше! Мост будет висячим, а больница – с вертолётной площадкой!

В один дождливый вечер, Аркадий Валентинович, пытаясь доказать себе, что он всё ещё контролирует ситуацию, решил лично проверить, как там продвигается работа над «проектом века» – тем самым мостом через реку Вуюнку.

Он подошёл к месту, где когда-то был заложен камень. В темноте виднелась лишь одна хлипкая доска, перекинутая через особенно грязную часть реки. Видимо, кто-то из местных жителей сам решил проблему переправы.

– Безобразие! – возмутился Аркадий Валентинович. – Это же опасно! Надо срочно что-то сделать!

Он сделал шаг вперёд, чтобы лучше рассмотреть конструкцию самовозведённой переправы. Доска под его весом жалобно всхлипнула и треснула. Аркадий Валентинович, не успев даже пискнуть, поскользнулся, упал, ударился головой о ржавую арматуру, торчащую из несуществующей опоры моста, и, к превеликому сожалению, утонул в трёх сантиметрах мутной воды, смешанной с отходами жизнедеятельности.

Внезапно темнота сменилась красноватым маревом.

Аркадий Валентинович обнаружил себя в странном офисе, выдержанном в тонах запёкшейся крови. Вокруг были стопки пыльных папок, исписанных мелким почерком, и скрипучий вентилятор лениво гонял раскаленный воздух.

– Добро пожаловать, Аркадий Валентинович, – раздался бархатный голос.

Перед ним стояло существо, напоминающее элегантного клерка в идеально выглаженном костюме цвета ночи. На его лице играла лёгкая, ехидная улыбка.

– Я Вельзевул Петрович, – представился демон, – Ваш личный куратор.

Аркадий Валентинович моргнул.

– Куратор? Где я? Это розыгрыш? Я же не мог умереть! И почему Ад? – растерянно произнёс он. – У меня же… у меня же были благие намерения!

Он попытался нащупать свой мобильный, но его карманы были пусты.

Вельзевул Петрович кивнул, его улыбка стала шире.

– Именно поэтому Вы здесь, Аркадий Валентинович.

– Что значит именно поэтому? – возмутился Аркадий. – Я же хотел как лучше! Я обещал людям больницу! Дороги! Мост!

– О да, обещания, – Вельзевул Петрович театрально вздохнул, – это наша любимая валюта. Видите ли, Аркадий Валентинович, Ад не вымощен злыми умыслами. Это слишком очевидно и примитивно. Он вымощен нереализованными благими намерениями.

Демон подошёл к полке и вытащил одну из пыльных папок.

– Вот, Ваша личная папка. Смотрите: «Намерение отремонтировать больницу №3» – больше ста пунктов. «Намерение построить мост Дружбы» – пятнадцать пунктов, включая уйму подпунктов о выборе цвета перил. «Намерение сделать дороги идеальными» – это вообще бесконечный свиток. Вы были просто чемпионом по обещаниям и намерениям, Аркадий Валентинович!

– Но я же… я же действительно хотел! – залепетал Аркадий.

– А вот в этом-то и вся прелесть! – Вельзевул Петрович хлопнул в ладоши, отчего в воздухе запахло серой. – Вы хотели. Вы собирались. Вы планировали и обещали. Но никогда не делали. Каждое Ваше обещание, каждый вздох «надо бы сделать», каждая мысль «когда-нибудь я займусь этим» – это кирпич, аккуратно уложенный на дорогу, ведущую прямиком сюда.

Он обвёл рукой помещение.

– Энергия невыполненных обещаний – это мощнейший источник для наших котлов. Злые дела – это, конечно, хорошо, но они редки и прямолинейны. А вот миллиарды невыполненных благих намерений – это нескончаемый поток энергии! Больница, которая так и не увидела ремонта, потому что Вы намеревались его сделать, но не сделали. Дороги, которые ждали асфальта, пока Вы намеревались найти на него средства. Мост, который остался у архитектора на бумаге, потому что Вы намеревались его построить. Всё это – не просто упущенные воз-

можности. Это невыполненные обещания, которые висели в воздухе, отравляя его нереализованной надеждой.

Аркадий Валентинович почувствовал, как по спине пробежал холодок.

– Значит я здесь потому, что хотел как лучше?

– Именно так, мой дорогой. Вы были образцовым примером. Вы не были откровенно злым. И это, поверьте, гораздо хуже. Злодей приносит очевидный вред, и его часто останавливают. А такие, как Вы, просто парализуют мир бесконечной, но пустой надеждой. Ваша дорога в Ад вымощена самыми искренними, самыми грандиозными и абсолютно нереализованными благими намерениями. Наслаждайтесь вечностью, полной невыполненных планов и бесконечных совещаний.

Вельзевул Петрович указал на дверь, за которой виднелся длинный коридор, ведущий вглубь офисного ада. Из-за дверей доносились звуки скрипящих стульев, невнятного бормотания и чьего-то монотонного доклада о перспективах оптимизации страданий.

– Ваш первый проект, Аркадий Валентинович, – сказал демон, – будет по разработке концепции улучшения климата в этом крыле Ада. Не забудьте составить подробный план с указанием сроков и ответственных. И да, мы уже предвидим, что он так и останется на бумаге.

Аркадий Валентинович обречённо поплёлся по коридору, чувствуя, как тяжесть всех его невыполненных обещаний давит на плечи.

Ад оказался не огненным, а бюрократическим.

И это было куда страшнее.

Звезда в хрущёвке Толика

Толик сидел, развалившись в продавленном кресле, которое, казалось, было сделано из спрессованного недовольства. Телевизор шипел, транслируя какой-то очередной голливудский блокбастер, где герои неизменно спасали мир от очередной глобальной катастрофы.

— Ну, опять?! – гудел Толик, обращаясь к пыльному фикусу в углу. – Скукота! Никакого тебе настоящего чуда! Никакой интриги! Всё предсказуемо, как смена дня и ночи, и то, что налоги поднимут! Эх, мир, ты просто жалкое зрелище!

Он был мастером по части гудения. Толик гудел на погоду, на соседей, на качество овощей в магазине и на то, что жизнь не оправдала его завышенных и совершенно неясных ожиданий.

И вот, пока Толик усердно гудел о бренности бытия, мимо его окна, пролетая на высоте, положенной для сказочных существ, пронеслась Фея. Это была не какая-нибудь гламурная фея из диснеевских мультфильмов, а потрепанная жизнью, чуть циничная сущность с крыльями, похожими на старые газетные вырезки. Она устала от однообразия и искала, кого бы ей проапгрейдить.Услышав этот концентрированный поток претензий, Фея решила: «Так, этот экземпляр заслуживает внимания. Слишком много негативной энергии, нужно направить её в конструктивное русло. Посмотрим, как он запоёт, когда его мечты станут реальностью».

Фея махнула палочкой, которая подозрительно напоминала старую антенну и послала Толику заряд «Материализации Мыслей».

В этот самый момент на экране мелькнула сцена: знойный пляж, и на нём – ослепительная блондинка, звезда боевиков, Мисс Венера Вандербильт, позирующая в крошечном бикини.

— Вот это да, – мечтательно пробормотал Толик, облизываясь. – Вот бы такую красотку прямо сюда, в эту унылую коробку. Хоть бы на неё посмотреть в живую.

ВЖУХ!

Воздух в крошечной гостиной, заставленной старыми журналами и пустыми пивными банками, сгустился. Раздался звук, похожий на лопнувший пакет с чипсами, и на ковре, прямо перед телевизором, материализовалась Мисс Венера Вандербильт. Актриса была в том самом бикини. И она была в шоке.

Венера, привыкшая к съёмочным павильонам размером с футбольное поле, с освещением, имитирующим южное солнце, оказалась в замкнутом пространстве, где пахло пельменями недельной давности и старыми носками.

– Где…? что…? – озираясь вокруг, пролепетала звезда, инстинктивно прикрывая себя руками.

Её идеальный загар казался неуместным на фоне обшарпанных обоев.Толик, который секунду назад гудел о скуке, застыл с отвисшей челюстью. Его мечта, его фантазия и объект желания, стояла перед ним, явно не в восторге от внезапной смены декораций.

– Э-э-э… Добро пожаловать? – выдавил Толик, поправляя рукой свой помятый свитер.Венера огляделась.

Её взгляд скользнул по старому холодильнику «Бирюса», по иконе на стене и, наконец, остановился на Толике.

– Вы… кто Вы? И где моя съёмочная группа? Я была на съёмках!

– Я Толик, – представился он, чувствуя, как его сердце колотится где-то в районе горла. – А Вы, простите, Мисс Вандербильт? Вы… Вы тут. Я столько раз мечтал о Вас.

Венера медленно опустила руки. Она поняла, что это не розыгрыш, а что-то гораздо более странное.

– Помечтал? Вы что, фокусник? Или маньяк, который похитил меня из середины дубля?

– Я просто… кино… смотрел кино, – указывая пальцем в экран старого телевизора, объяснил Толик, сам не веря своим словам. – А потом Вы появились. Я сказал, что хочу, чтобы Вы были здесь и Вы здесь…

Венера присела на край кресла, которое жалобно скрипнуло под её весом.

– То есть, если Вы сейчас подумаете, что мне нужен стакан воды, он появится?

– Давайте проверим! – воскликнул Толик, внезапно ощутив прилив энтузиазма, который давно не испытывал.

Толик закрыл глаза, сосредоточившись. Он представил себе ледяной стакан воды с долькой лайма.

ДЗЫНЬ!

На старом табуретке рядом с телевизором материализовался хрустальный графин, полный воды, и стакан с лаймом.

– Ого! – выдохнула она.

– Ого! – эхом повторил Толик. – Значит, это правда!

Наступила тишина, нарушаемая только гудением старого холодильника.

– Ладно, Толик, – сказала Венера, взяв стакан. – Если ты можешь материализовывать вещи, то, будь добр, материализуй мне нормальную одежду. И, наверное, мой телефон.

Он представил костюм и последнюю модель смартфона.

ВЖУХ!

Одежда появилась на ней, а телефон завибрировал у неё в руке.

– Отлично, – кивнула она, уже осваиваясь. – Теперь звоню своему агенту и говорю, что у меня внезапный творческий отпуск… Кстати, где мы?

— В Ачинске. – уверенно ответил Толик.

— В Ачинске… – задумчиво повторила Венера.

Толик почувствовал укол разочарования. Его первая материализованная мечта уходит!

– Эй! А как же я? – спросил он. – Мы же только что… ну, вы поняли.

Венера посмотрела на него. Он был невысок, в растянутом свитере, но глаза его сияли искренним, хотя и немного наивным восторгом. Впервые за долгое время он не гудел, а радовался.

– А Вы, Толик, – сказала она, улыбнувшись, – только что доказали, что в мире есть магия. И Вы мой портал в неё. Но нельзя просто материализовать кинозвезду посреди своей гостиной.

– А что я могу? – спросил Толик, потупившись.Венера задумалась. Она была умной женщиной, несмотря на образ легкомысленной красотки.

– Ты можешь материализовать что-то полезное. Помогать людям.

— Для начала я потренируюсь и помогу себе.

Толик оглянулся по сторонам.– Например, я бы мог материализовать… новый диван. И кресло, кажется, оно вот-вот Вас поглотит.

— Ну, или диван. – Пожала плечами Венера.

Толик просиял. Он не просто получил способность – он получил цель.

– Диван! Я могу! – Он сосредоточился.

Он представил себе огромный, мягкий, кожаный диван с подставкой для ног, который идеально впишется в его гостиную, даже если она размером с почтовый ящик.

БУМ!

Вместо дивана, из-за избытка фантазии, материализовалась небольшая, но очень качественная модель дивана, сделанная из шоколада. Венера расхохоталась. Это был самый искренний смех, который Толик когда-либо слышал.

– Отлично, Толик! – сказала она, отламывая кусочек шоколадного подлокотника. – Начнём с малого. Вы научитесь контролировать свои желания. У Вас есть дар, который может изменить жизнь. И, кстати, этот шоколад вкуснее, чем всё, что я ела за последние пять лет.

Толик от удовольствия крепко зажмурился, представляя, как он изменит весь мир. Он был готов к великим свершениям. И тут прозвучала до боли знакомая мелодия. Толик начал осматриваться по сторонам в поисках её источника, и всё вокруг поплыло.

Сладостный привкус грёзы ещё витал вокруг, а реальность уже грубо тыкала в бок серым рассветом за окном. Толик вздохнул. Шоколадный диван, конечно, был бы отличным стартом для завоевания мира. Или хотя бы для покорения сердца неприступной Маргариты из соседнего подъезда.

Но реальность, увы, не баловала материализацией диванов. Приходилось обходиться более прозаичными методами. Например, выносом мусора. Тяжело вздохнув, Толик поднялся с кровати, проклиная изобретателя будильника и мечтая о вечном сне на шоколадном ложе.

Впрочем, мысль о Маргарите грела душу. А если угостить её обычным шоколадом? И с этой обнадеживающей мыслью Толик отправился на кухню, варить себе крепкий кофе. Ведь даже самые великие свершения начинаются с чего-то малого. С чашки кофе и веры в чудо. И, может быть, однажды, он всё-таки материализует этот шоколадный диван. Для Маргариты, конечно.

Ну, и гудеть Толик перестал… почти.

Окно в мир

Семён сидел у окна. Это было его новое, совершенно законное место дислокации. Старая квартира, которую он покинул с чувством, граничащим с облегчением и лёгкой тоской по запаху пыли в углу за шкафом, осталась позади. Новая квартира была другой. Светлой, с запахом свежей краски и подозрительной тишиной, которую он пока не успел как следует нарушить.

Окно. Вот что действительно имело значение. Оно было широким, с низким подоконником, идеально подходящим для того, чтобы расположить себя в позе сфинкса, слегка наклонив голову и уставившись в этот стеклянный портал. Для Семёна это было не просто окно. Это был его личный, круглосуточный, эксклюзивный телеканал.

Он не знал, как это работает. Просто однажды, когда его мир сузился до размеров этой комнаты, мир там, за стеклом, внезапно обрел резкость и сюжет.Семён моргнул. Его зрачки, если бы кто-то мог их рассмотреть в этот момент, были бы похожи на две чёрные дыры, поглощающие свет.

«Начинается, кажется, – подумал он с легким внутренним урчанием, которое никогда не выходило наружу. – Сезон 1 серия 5, Уличные драмы».

На экране разворачивалась сцена, нового сериала, уже полюбившегося Семёну. Главные герои – два дворника, суровый мужчина в возрасте – Олег и молодой активный парень – Виктор. Они были вечными антагонистами в этом ежедневном сериале.

Олег, одетый в ярко-оранжевый жилет, который делал его похожим на гигантский, медленно движущийся мандарин, всегда действовал с методичной, почти роботизированной точностью. Он подметал территорию, как будто вычищал космическую пыль с поверхности Марса.

Виктор же был чистым хаосом. Он двигался рывками, его метла казалась продолжением его нервной системы. Сегодня Виктор решил, что идеальное место для сбора опавших листьев – это прямо под окном Семёна.

Семён слегка приподнял ухо, настроив слуховой фокус.

«Виктор, ты опять нарушаешь периметр, – прошипел мысленно Семён, наблюдая, как Олег, заметив нарушение, медленно, но верно, движется к месту инцидента. – Олег, не уступай. Твоя зона ответственности – это твоя честь!»

Олег остановился. Он медленно опустил свою метлу, и это движение было полно угрозы, как задержка в начале важного сообщения.

Виктор, видимо, решил, что это идеальный момент для демонстрации своей активной работы, попытался забросить особенно большой ворох листьев в пакет, но промахнулся. Листья, подчиняясь законам подлой гравитации, разлетелись обратно.

Семён не выдержал. Он издал тихий, вибрирующий звук – нечто среднее между глубоким вздохом и низкочастотным гулом.

Олег, вместо того чтобы наброситься на Виктора с гневными упрёками, просто взял свою метлу и начал методично собирать листья, которые Виктор разбросал. Это была пассивная агрессия высшего уровня. Виктор покраснел. Он схватил свою метлу и начал работать с удвоенной, нервной энергией, пытаясь доказать, что он тоже способен к упорядоченному труду.

«Интересно, – промурчал Семён».

Семён отвлекся от дворников, когда на тротуаре появилась новая фигура. Она была маленькая, быстрая и совершенно непредсказуемая.Это была девочка лет семи, одетая в ярко-розовый комбинезон, который, казалось, был создан, чтобы игнорировать законы аэродинамики. В руках у неё был воздушный шарик в форме единорога.

«О, боги, – Семён напрягся. – Вторжение розового единорога. Это всегда не сулит ничего хорошего для стабильности двора».

Девочка, смеясь, бежала по тротуару, но внезапно остановилась. Она посмотрела вверх, прямо на окно Семёна.Семён замер. Он всегда чувствовал, когда его видят. Но дети… дети видели вещи, которые взрослые давно списали в архив невозможного.

Девочка не просто смотрела. Она улыбалась. Широко, беззаботно.Она подняла руку и помахала.

Семён медленно, почти незаметно, пошевелил кончиком одного из своих длинных, черных, как ночь, усов. Это был его знак вежливости.

Девочка хихикнула громче и сделала ещё один жест – она приложила ладонь к лицу, изображая нечто, похожее на бинокль, и затем резко отпустила. Это был призыв к игре.

«Играть? Сейчас? Когда у меня тут разворачивается драма дворников?» – возмутился Семён внутренне.

Но любопытство – вечный двигатель. Он слегка подался вперёд, почти касаясь лбом прохладного стекла.Девочка тут же поняла его согласие, Она подпрыгнула, и единорожий шарик вырвался из её ослабевшей хватки.Началась погоня.

Шарик, ведомый ветром, начал свой непредсказуемый подъём. Девочка бежала за ним, забыв о мире, о родителях, о правилах дорожного движения.Семён следил за траекторией полёта. Это был настоящий воздушный балет.

«Шарик ушёл на высоту второго этажа, – думал он. – И сейчас попадёт под крышу».

И тут произошло то, чего не ожидал никто.Олег и Виктор, забыв о своём противостоянии, синхронно остановились. Они посмотрели вверх. Затем, словно получив негласный сигнал от высших сил, они бросили свои мётлы. Олег, который, как выяснилось, был на удивление проворен, схватил старую деревянную лестницу, которую использовал для обрезки веток, и приставил её к стене. Виктор, не отставая, придерживал основание.Девочка подбежала к лестнице.

«Олег, ты что, решил стать героем? – муркнул Семён. – Видимо, розовый единорог пробудил в нём рыцаря».

Шарик тем временем дрейфовал к самой крыше дома.Когда Олег достиг верха лестницы, шарик уже почти касался острия ржавого водосточного желоба.

Олег вытянул руку и пальцы коснулись ленточки. Успех!Он спустился, крепко держа шарик.Девочка прижала к себе шарик, и обняла сначала Олега, а потом, не задумываясь, и Виктора.Дворники стояли, неловко похлопывая её по спине. Их оранжевые жилеты и рабочие комбинезоны казались вдруг униформой супергероев.

Семён почувствовал странное тепло в груди. Это было нечто, похожее на чувство сытости, но более возвышенное.Когда счастливая девочка ушла, дворники вернулись к мётлам. Но что-то изменилось. Они не просто мели. Они работали в унисон. Они даже обменялись парой слов, которые Семён уловил как «Да, ничего себе…» и «Пошли кофе выпьем, Олег».

Семён лёг на подоконник. Шоу закончилось. Или, по крайней мере, этот эпизод.Он был очарован. Он переехал сюда недавно, и ему было одиноко. Он не общался с людьми напрямую – это было сложно, учитывая его особенность. Но наблюдение за ними, за их глупыми, нелепыми, иногда героическими поступками, наполняло его дни смыслом.

Внезапно, его взгляд упал на свою собственную лапу, которая лежала на подоконнике. Она была мягкой, покрытой густой, идеально чёрной шерстью. Он лениво пошевелил подушечками.

В этот момент в комнату вошла Хозяйка. Молодая женщина, немного растерянная, но очень добрая. Она принесла миску с чем-то, что пахло божественно – свежей говядиной, смешанной с чем-то кремовым.

– Семён, мой хороший, ты опять сидишь у окна? Ты хочешь на улицу? – спросила она, ставя миску на пол.

Семён посмотрел на неё, затем снова на окно. Улица? Зачем ему улица? Там грязно, шумно.

– Мрррау, – произнёс он, что в переводе с его внутреннего языка означало: «Я занят. Я веду хронику человеческих жизней».

Хозяйка рассмеялась.Какой ты у меня странный. Все коты хотят гулять, а ты сидишь, как старый профессор, и смотришь в мир.Она почесала его за ухом. Семён закрыл глаза от удовольствия, но тут же открыл их, боясь пропустить начало следующего выпуска.

«Не называй меня так, – подумал он, наслаждаясь почесыванием. – Я не профессор. Я – зритель. И сегодня я ставлю этому эпизоду высший балл за спасение розового единорога».

Он спрыгнул с подоконника, оставив идеальный отпечаток своего тела на мягкой пыли, которую Хозяйка ещё не успела вытереть. Подошёл к миске, чтобы приступить к ужину, но перед тем как опустить морду в еду, он обернулся.

Он бросил последний взгляд на окно.Олег и Виктор уже пили кофе из термоса, сидя на лавочке. Они смеялись.Семён удовлетворенно кивнул. Хороший конец.

Завтра, возможно, будет новое шоу. Может, приедет фургон с мусорщиком, а может, начнётся битва за парковочное место. Мир за окном был бесконечным источником событий. И Семён – молчаливый, но глубоко вовлечённый наблюдатель, был готов к премьере.

Галя, у нас отмена!

Галина Петровна, реаниматолог с пятнадцатилетним стажем, в свои сорок могла бы написать диссертацию о тонкой грани между жизнью и смертью. Но вместо этого она писала отчёты, заполняла истории болезней и, что самое экзотичное, вела переговоры с представителями высших сил.

Нет, не с главврачом и даже не с Минздравом. Её консультантами были Ваалберит, главный секретарь Ада, и Ориэль, Ангел Судьбы.

Они появлялись без стука, без предупреждения, прямо посреди реанимационной палаты, игнорируя писк мониторов и запах антисептика. Ваалберит, высокий, всегда идеально одетый в угольно-чёрный костюм, с глазами, похожими на два тлеющих уголька, источал лёгкий аромат серы и дорогого одеколона.

Ориэль, напротив, был эфемерным, светящимся, пахнущим озоном и едва уловимым запахом полевых цветов. Его глаза, глубокие и мудрые, казались старше самой вселенной.

Их визиты были частью рутины Галины.

– Галина Петровна, – басил Ваалберит, склонившись над очередным пациентом, – этот товарищ, Петров, 65 лет, инфаркт. Его время пришло. У нас на него уже бронь, люкс, с видом на огненное озеро.

– Не спеши, Ваалберит, – мягко возражал Ориэль, – у Петрова ещё внучка не родилась. Ему отведено три года.

Галина, не отрываясь от капельницы, бормотала.

– Поняла. Три года, значит. Адреналин внутривенно, дефибриллятор готовьте.

И, как правило, Петров, к удивлению дежурных врачей, выкарабкивался.

Иногда было наоборот.

– Галя, – Ваалберит появлялся с довольной ухмылкой, – вот этот, Иванов, 30 лет, ДТП. Всё, финиш. Ничего не поделаешь.

– Увы, Галина, – вторил Ориэль, с еле заметной грустью, – его путь завершён.

Галина лишь тяжело вздыхала, глядя на ровную линию на мониторе. Она уже знала, что с ними спорить бесполезно. Первое время она пыталась спасать всех, но если эта парочка решила, что человека нужно забрать… Всё! Как бы она не старалась, даже, казалось бы, самых перспективных вытащить с того света не удавалось. Они были её своеобразными коллегами, хоть и доставляли немало головной боли.

Но однажды, в дождливый понедельник, в реанимацию привезли мужчину. Ему было около сорока, спортивного телосложения, с рассечённой бровью и бледным лицом. Авария, нетрезвый водитель сбил мужчину на мотоцикле. Множественные переломы, черепно-мозговая травма. Шансов никаких.

Галина уже собиралась закончить обычные реанимационные мероприятия, когда в палате возник Ваалберит. Он был не просто раздражён, он был взбешён. Его обычно гладко зачёсанные волосы торчали во все стороны, а глаза полыхали так, что можно было почувствовать жар.

– Галя! – заорал он, игнорируя медсестру, которая уронила поднос с инструментами. – У нас возврат! У нас, мать его, ОТМЕНА!

Галина моргнула. Отмена? Такого ещё не было.

– Ты о чём, Ваалберит? – спросила она, проверяя пульс парня.

– Вот этот! – Демон ткнул когтистым пальцем в сторону пациента. – Игорь Егоров, 37 лет! Праведник! Чистейшая душа! Как он вообще к нам попал?!

Галина подняла бровь. Праведник? В Ад? Это звучало как анекдот.

– Ну, бывает, сбой системы… – начала она.

– Какой сбой?! – Ваалберит схватился за голову. – Наша душе-учётная система дала сбой такого масштаба, что у нас серверы дымятся! Он у нас пробыл всего три часа, а уже успел организовать курсы медитации для самых отъявленных грешников, уговорил Ктулху перейти на вегетарианство, а Цербера предложил сходить к собачьему психологу! Он невыносим! Мы не можем его принять! Он разлагает нашу структуру изнутри!

– Так отправьте его в Рай. – Невозмутимо ответила Галя.

В палате появился Ориэль. Он выглядел безмятежно, как всегда, но в его глазах читалось едва уловимое веселье.

– Ваалберит, мой дорогой, успокойся. Это всего лишь временное недоразумение

– Недоразумение?! – взревел демон. – Это катастрофа! Он нарушил всю отчётность! У нас теперь дыра в бюджете по душам! Он отказывается гореть, его аура слишком сильна! Мы пытались его отправить обратно, но он застрял в портале и теперь… вот!

Он снова ткнул в Игоря, который лежал на каталке, подключённый к аппаратам.

– Он должен жить, Галина, – тихо произнес Ориэль. – Его судьба очень важна. Он должен выполнить свою миссию на Земле.

– Какую миссию?! – Ваалберит едва не задохнулся от возмущения. – Учить демонов добродетели?!

– Это не твоё дело, Ваалберит, – Ориэль улыбнулся загадочной улыбкой. – Просто позаботься о том, чтобы он не вернулся в ваш офис.

– Но он не может оставаться у нас! И он не может остаться на Земле в таком состоянии! – Ваалберит метался по палате. – Галя, ты должна что-то сделать! Спаси его! Или… или мы его отправим в чистилище для неопределившихся, но это такой геморрой с документами…

Демон театрально схватился за голову, качая головой.

Галина тяжело вздохнула. Это было что-то новенькое. Обычно ей говорили «оставь» или «спаси». А тут – «спаси, потому что он нам весь Ад перевернул».

– Ладно, – сказала она, беря в руки стетоскоп. – Посмотрим, что можно сделать.

Следующие несколько дней были адом для Галины. Игорь, несмотря на все усилия, оставался в критическом состоянии. Ваалберит появлялся каждые несколько часов, жалуясь на «праведный дух», который он никак не мог вытравить из своих владений.

– Он здесь, в коме, а я всё равно чувствую, как мои подданные начинают задумываться о вечном! – ныл демон. – Один мой главный инквизитор начал плести макраме! МАКРАМЕ!

Ориэль, напротив, был спокоен, лишь изредка появляясь, чтобы напомнить Галине о важности судьбы Игоря.

– Галина, – сказал он однажды, когда Ваалберит отвлёкся на звонок по адскому мобильному телефону, – его миссия тесно связана с твоей. Спаси его.

Галина Петровна, несмотря на усталость, чувствовала к Игорю странную привязанность. Она изучала его карту: Игорь Петров, инженер-конструктор, волонтёр, донор крови, спасатель бездомных животных. Он действительно был праведником. Она даже поймала себя на мысли, что ей хотелось бы, чтобы он выжил, просто чтобы узнать, что это за человек, который умудрился вызвать такой переполох в Аду.

Шли дни. Состояние Игоря не улучшалось. Он был на грани.

– Галя, – Ваалберит появился в полночь, когда Галина сидела у постели Игоря, почти засыпая, – это конец. Мы больше не можем его держать. Моя канцелярия на грани бунта. А если мы его отпустим, но он умрёт здесь, это будет считаться нашим косяком. Он должен выжить!

– Но как? – прошептала Галина. – Я сделала всё, что могла.

Внезапно Ваалберит принял необычное для демона решение.

– Слушай, Галя, – сказал он, потерев подбородок, – у нас есть одна лазейка. Очень редкая. Если душа настолько чиста, что не может быть принята Адом, и настолько важна для Небес, что не может просто так уйти, мы можем… ну, скажем так, дать ей дополнительный импульс. Но это требует энергии.

– Какой энергии? – Галина насторожилась.

Ваалберит смущённо кашлянул.

– Жизненной энергии. Сильной, искренней. Любви, если хочешь.

Галина уставилась на него.

– Ты что, предлагаешь мне влюбиться в него?

– Ну, не буквально, – замахал руками демон. – Просто пожелай ему жизни так сильно, как будто он – это самое дорогое, что у тебя есть. Понимаешь? Отдай часть своей жизненной силы, своей души.

– Это опасно, Галина, – Ориэль появился так же бесшумно, как всегда. – Но, возможно, это единственный путь. Его миссия…

– Заткнись, Ориэль, – прорычал Ваалберит. – Не пугай её! В общем, Галя, это рискованно, но шансы есть. Иначе он уйдёт, и нам снова придётся с ним разбираться. Я не переживу ещё одного дня, когда мои черти поют «Оду к радости»!

Галина посмотрела на Игоря. Бледное, неподвижное лицо. Он был незнакомцем, но её жизнь, благодаря ему, превратилась неразбериху. И она вдруг поняла, что ей действительно хочется, чтобы этот праведник выжил. Хотелось узнать его историю, увидеть его улыбку.

Она взяла его руку. Тёплая, несмотря на плохое кровообращение. Она закрыла глаза и сосредоточилась. Не на медицине, не на аппаратах, а на самом чувстве. На желании, чтобы он жил. На крошечной, но растущей симпатии к этому человеку, который невольно стал частью её невероятной жизни. Она представила его смеющимся, живым, спорящим с Ваалберитом. Она вкладывала в это все свои силы и надежду.

Внезапно мониторы зачирикали. Линия ЭКГ, которая до этого была почти прямой, начала демонстрировать признаки жизни. Пульс усилился. Цвет лица Игоря стал менее бледным.

Ваалберит и Ориэль обменялись взглядами. Демон выглядел удивлённым, ангел – довольным.

Галина почувствовала, как по телу пробежала волна тепла, а затем – опустошения. Но она улыбнулась.

– Он будет жить, – прошептала она.

Прошла неделя. Игорь очнулся, медленно, но верно шёл на поправку. Он был совершенно очаровательным: добрым, вежливым, с искрящимся чувством юмора, несмотря на пережитое. Он ничего не помнил о своём кратком путешествии в Ад, но смутно вспоминал, как ему снились «очень настойчивые бюрократы» и «очень спокойные ребята в белых одеждах».

Галина и Игорь много разговаривали. О жизни, о смерти, о смысле бытия. Их необычная история создала между ними особую связь. Игорь оказался таким же удивительным в жизни, как и в рассказах Ваалберита. Он действительно был праведником, но не навязчивым, а просто искренним и добрым. И Галина, к своему собственному удивлению, обнаружила, что влюбляется. Впервые за много лет.

Ваалберит и Ориэль появлялись реже.

– Ну что, Галя, – Ваалберит выглядел довольным, хотя и слегка потрёпанным, – наша отмена полностью прошла. Спасибо тебе. Моя канцелярия наконец-то вернулась к нормальной работе. Правда, инквизитор продолжает плести макраме, но я спишу это на стресс.

– Его миссия ещё не завершена, Галина, – Ориэль кивнул. – И твоя тоже.

Галина лишь улыбалась. Она знала, что её миссия теперь – жить. И, возможно, любить.

Однажды, когда Игорь уже был готов к выписке, он сидел на кровати, а Галина проверяла его последние анализы.

– Галина Петровна, – сказал он, глядя на неё своими ясными, синими глазами, – я знаю, что это прозвучит странно, но… я чувствую, что мы с Вами связаны какой-то особой нитью. Как будто Вы спасли меня не только как врач.

Галина улыбнулась.

– Возможно, Игорь. Возможно.

– И ещё… – он покраснел, – я хотел бы узнать Вас поближе. После выписки. Если Вы не против.

Сердце Галины дрогнуло. Она почувствовала себя девчонкой.

– Я не против, Игорь, – сказала она, и в голосе прозвучали нотки нежности.

Вечером, когда Галина вернулась домой, она налила себе крепкий чай. Ваалберит и Ориэль уже ждали её на кухне.

– Ну что, Галя, – Ваалберит расслабленно откинулся на стуле, – миссия выполнена. Ты спасла его. И, кажется, даже нашла свою личную жизнь. Кто бы мог подумать, что из этого выйдет такая романтика.

– Так и было задумано, Ваалберит, – спокойно сказал Ориэль. – Для равновесия.

– Для равновесия чего? – спросила Галина, делая глоток чая.

– Вселенной, Галина, – ответил Ориэль. – Ты – врач, спасающий жизни. Он – душа, несущая свет. Вы оба – каналы, через которые энергия жизни и добра течёт в мир. Ваша связь была необходима.

– То есть, его «случайное» попадание в Ад… – Галина начала понимать.

– Было тщательно спланировано, – закончил за неё Ваалберит, с лёгкой ухмылкой. – Ну, не то чтобы мной спланировано. Скорее, это был совместный проект. Мы должны были убедиться, что ты достаточно будешь в нём заинтересована.

– Вы что, разыграли меня?! – Галина поставила кружку на стол с таким стуком, что тарелки подпрыгнули.

– Ну, не совсем разыграли, – Ваалберит почесал затылок. – Скорее, создали благоприятные условия. Для вашей судьбы. И для нашего спокойствия. Ведь если бы он не попал к нам, вы бы никогда не встретились так, как нужно.

– И его миссия…? – Галина посмотрела на Ориэля.

– Его миссия – быть рядом с тобой, Галина, – Ориэль улыбнулся. – Ваша совместная энергия будет поддерживать баланс. И, поверь мне, впереди вас ждет ещё много интересного.

– Например? – спросила Галина, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

Ваалберит, с видом победителя, достал из кармана идеально свёрнутый пергамент.

– Например, Галя, у нас тут на подходе новый проект. Очень крупный. Требуется совместное вмешательство. Помнишь того Петрова, который должен был прожить ещё три года? Так вот… он решил завести козу. И эта коза, по нашим расчётам, должна вызвать цепную реакцию, которая приведёт к концу света. Нам нужен Игорь. И ты.

Галина Петровна посмотрела на демона, затем на ангела, потом на пергамент. Её рука потянулась к голове и покрутила пальцем у виска.

– Только не это… – пробормотала она. – Только не коза.

Ваалберит и Ориэль лишь улыбнулись, предвкушая новые приключения. Галина, реаниматолог с пятнадцатилетним стажем, теперь знала, что её жизнь никогда не будет скучной. Особенно, когда рядом Игорь и неизвестная коза, которая может изменить судьбу мира.

Но это уже совсем другая история…

Земля дала, земля взяла

Кристина с грустью провела ладонью по плоскому животу.

Шесть лет.

Шесть лет попыток, надежд, разочарований.

Врачи, анализы, процедуры – всё без толку. Почти каждая неделя начиналась с теста, каждое отрицание било под дых. Ей тридцать два, Ярославу тридцать пять. Время уходило, оставляя лишь горечь.

Ярослав был опорой, но и его глаза потухли. Он больше не заговаривал о детях первым, лишь молча обнимал девушку по ночам, чувствуя, как она плачет в подушку.

Однажды Кристина наткнулась в интернете на странный форум. Не про ЭКО, суррогат или усыновление.

Про места силы.

Про древние земли, где сама земля дышит жизнью, и где бесплодие отступает перед первобытной силой природы. Среди вороха баек и откровенного бреда, ей попалась одна история. Про глухую деревню в предгорьях Памира, про родник, бьющий из-под скалы, который местные жители считали священным, дарующим жизнь. История была туманной, без конкретных названий, но в ней упоминалась некая Ажар – старая женщина, хранительница родника.

Отчаяние – плохой советчик, но мощный двигатель.

Кристина показала статью Ярославу. Он долго молчал, хмурясь, но видя её горящие, полные последней надежды глаза, сдался.

– Хорошо, Крис. Давай попробуем. Хуже ведь не будет?

И они решились.

Путь был долгим и изнурительным. Самолёт, поезд, потом ветхий автобус, трясущийся по разбитым дорогам, и, наконец, старый внедорожник, нанятый у молчаливого местного жителя. Пейзажи за окном становились всё более суровыми и величественными. Горы, покрытые скудной растительностью, бездонное синее небо, воздух, разрежённый и чистый до звона в ушах.

Деревня оказалась крошечной, затерянной среди складок гор.

Найти Ажар было несложно. Она жила в доме на отшибе, старая, высохшая, с лицом, испещрённым морщинами, как горными хребтами. Глаза её, однако, были живыми и пронзительными. Она встретила их без удивления, словно ждала.

– Пришли, – просто сказала она на ломаном русском, с сильным акцентом. – Детей просить? Земля даст. Но земля возьмёт.

Кристина поежилась. Ярослав напрягся.

– Что возьмёт? – спросил он.

Ажар улыбнулась беззубым ртом.

– Узнаете. Если готовы платить.

Они были готовы. Готовы на всё, лишь бы услышать детский смех в своём доме.

Ажар велела им поселиться в пустующем домике рядом.

Следующие несколько дней были странными. Ажар проводила с ними время у родника. Родник бил из трещины в огромной чёрной скале. Вода в нём была ледяной и прозрачной, но на вкус – необычной, с металлическим привкусом и запахом влажной земли.

Ажар заставляла Кристину пить эту воду на рассвете и на закате, стоять босиком у родника, касаясь мокрой земли, нашёптывала над ней древние слова на языке, которого Кристина не понимала.

Ярослав чувствовал себя лишним. Он пытался говорить с местными, но те были немногословны и избегали темы родника и Ажар. В их взглядах читалась смесь уважения, страха и какого-то древнего знания, недоступного чужакам.

Кристина чувствовала себя странно. Слабость сменялась приливами необъяснимой энергии. Ночью ей снились яркие, тревожные сны: воды, движущиеся под землей, корни, оплетающие её тело, беззвучный шёпот, идущий будто из самой земли. Кожа стала более чувствительной к солнцу и ветру. Она чувствовала запахи, которые раньше не замечала – запах камней после дождя, запах цветущей травы вдали, запах самой земли, густой и влажный.

На седьмой день Ажар уверенно сказала:

– Сегодня. Ночью. Луна полная. Земля слушает.

Ночью они втроём пошли к роднику. Ажар развела небольшой костёр. Воздух был холодным и неподвижным. Горы вокруг казались огромными, живыми сущностями, наблюдающими за ними.

Ажар велела Кристине раздеться и войти в воду родника. Вода была обжигающе холодной. Кристина вздрогнула, но вошла, подчиняясь воле старухи.

Ажар начала петь. Её голос был низким, гортанным, он вибрировал в воздухе, смешиваясь с шумом родника. Она сыпала в костёр какие-то травы, от которых шёл густой, едкий дым. Ярослав стоял в стороне, чувствуя себя совершенно беспомощным. Он видел силуэт Кристины в воде, освещённый полной Луной и костром.

Девушке казалось, что вода вокруг неё светится слабым, зеленоватым светом.

Пение Ажар усиливалось, становясь похожим на древний призыв. Кристина почувствовала, как земля под водой вибрирует. Ей стало страшно, но страх был смешан с экстазом. Она почувствовала, как что-то проникает в неё из воды, из земли – холодное, древнее, мощное. Это не было похоже на то, что она читала в книгах или слышала от врачей.

Это было другое. Потустороннее. Первобытное.

В какой-то момент Ажар резко оборвала пение. Дым рассеялся. Кристина вышла из воды, дрожа от холода и пережитого. Ажар молча кивнула.

– Идите, – сказала она. – Земля услышала.

Они вернулись в домик. Ярослав обнял Кристину, чувствуя, как её кожа горит, несмотря на холод.

– Что это было? – прошептал он.

– Не знаю, – ответила она, но в голосе звучала уверенность, которой он раньше не слышал. – Но я чувствую… Я чувствую, что получилось.

Они уехали на следующий день. Ажар провожала их молча, её пронзительные глаза смотрели куда-то вдаль, поверх их голов.

Через три недели, уже дома, Кристина сделала тест.

Две полоски.

Яркие, несомненные.

Они плакали, смеялись, обнимались. Чудо!

Беременность протекала необычно. Не было токсикоза, не было усталости. Наоборот, Кристина чувствовала небывалый прилив сил. Живот рос быстро, слишком быстро, по мнению врачей, которые, впрочем, не находили никаких патологий. Анализы были идеальными.

Но были и странности. Кристина стала замкнутой. Она проводила часы на природе, просто сидя на земле в парке, касаясь травы. Обычная еда её не прельщала. Она испытывала странную тягу к минеральной воде с металлическим привкусом, к немытым овощам прямо с грядки, к запаху сырой земли после дождя. Ей перестали сниться обычные сны; теперь это были только те, горные, полные шёпота и движения земли.

Кожа девушки приобрела легкий землистый оттенок, а глаза стали казаться глубже, темнее.

Ярослав замечал, как она меняется, и ему становилось не по себе. Она была рядом, но будто становилась всё дальше, уходя куда-то внутрь себя, связанная с чем-то, что он не понимал.

– Крис, ты в порядке? – спрашивал он.

– Да, Ярик. Просто чувствую его. – Поглаживая себя по животу, отвечала девушка. – Он сильный.

Она говорила о ребёнке, как о чём-то отдельном, почти чужом.

Беременность длилась ровно семь месяцев. Врачи были в панике, но остановить ничего не могли. Роды начались внезапно, стремительно.

Ребёнок родился здоровым. Крупным, крепким мальчиком. С густыми чёрными волосами и необычно тёмными глазами, почти чёрными.

Первые дни были окутаны эйфорией. Вот оно, их счастье!

Ярослав не отходил от Кристины и сына. Но странности не ушли.

Кристина не испытывала обычной материнской нежности. Она смотрела на сына с какой-то древней, неземной привязанностью, но не с той тёплой, человеческой любовью, которую Ярослав видел у других матерей. Она почти не кормила его грудью, предпочитая давать ему воду – ту самую, которую заказывала в огромных количествах, с металлическим привкусом.

Ребёнок рос не по дням, а по часам, набирая вес и силу с пугающей скоростью.

Самое страшное началось потом. Кристина стала проводить всё больше времени на улице, даже в холод. Она садилась на землю, закрывала глаза и, казалось, слушала что-то, недоступное другим.

Её кожа становилась всё темнее, грубее. На руках и ногах стали заметны утолщения, напоминающие корни. Вены на висках проступили, тёмные и извилистые, как горные тропы.

Она перестала спать в постели, предпочитая лежать на полу, свернувшись клубком. Её взгляд стал диким, сосредоточенным на чём-то невидимом. Она почти не разговаривала, лишь иногда бормотала что-то на незнакомом языке, похожем на шёпот Ажар.

Ярослав был в ужасе. Его жена, его любимая Кристина, превращалась в нечто чужое. Он пытался обратиться к врачам, но те лишь разводили руками, ставя диагнозы вроде «послеродовой депрессии с психотическим уклоном», и предлагая госпитализацию. Но Кристина сопротивлялась с нечеловеческой силой, а её взгляд при этом был таким, что Ярослав не решался настаивать.

Однажды ночью он проснулся от холода. Кристины не было в постели. Он нашел её в саду. Она стояла босиком на уже подмёрзшей земле, под дождём, подняв лицо к небу. Рядом, в маленькой корзине, спал их сын.

– Кристина! – позвал он, дрожа.

Она медленно повернулась. Её глаза светились в темноте слабым, зеленоватым светом.

– Я возвращаюсь, Ярик, – прошептала она голосом, низким и хриплым, как шелест камней. – Земля зовет. Мой сын – он ей принадлежит. И я теперь я тоже.

Ярослав почувствовал ледяной страх. Он понял. Родник, Ажар, ритуал – это было не лечение бесплодия. Это был обмен. Земля дала им жизнь, но взяла свою плату. Она забрала Кристину и ребёнка, превратив их в какую-то древнюю и непостижимую сущность.

Он бросился к ней, пытаясь обнять, увести в дом. Но она оттолкнула его с лёгкостью, которая раньше была ей не свойственна. Прикосновение было холодным и жёстким, как камень.

– Не мешай, – сказала она. – Я должна идти. С ним.

Она взяла корзину с ребёнком. Ярослав видел, как её ноги, покрытые темнеющей кожей, врастают в землю, как корни. Волосы рассыпались, становясь похожими на сухую траву.

– Нет! Кристина! – закричал он, пытаясь схватить.

Но она уже не была его Кристиной. Она была частью земли, древней и равнодушной. Она просто отвернулась и пошла прочь, растворяясь в темноте сада, сливаясь с тенями деревьев и запахом влажной земли. Ребёнок в корзине не плакал.

Ярослав стоял под дождём, один, глядя в пустоту. Он слышал только шум дождя и далёкий, еле различимый шёпот, идущий будто из-под земли. Шёпот, который напоминал пение Ажар.

Его Кристина ушла. Ушла к земле, которая дала ей сына. А он остался. С тишиной в опустевшем доме и ужасным знанием, что самое страшное в их борьбе с бесплодием оказалось не отсутствие жизни, а жизнь, данная слишком высокой ценой. Ценой души и тела его любимой женщины, ставшей частью древней, чужой силы. И где-то там, в горах, рос ребёнок, который был не совсем его сыном, а сыном самой Земли.

Они получили ребёнка. Но потеряли себя. И Кристина, ставшая частью земли, обрела ту самую «плодовитость», о которой мечтала, но в форме, которая не оставляла места для человеческого счастья.

Земля дала.

И земля взяла.

И взяла она самое ценное.

Без меня – хоть ремонт!

Вельда, ведьма по призванию и по наследству, ценила тишину больше, чем золотые слитки. Её крохотный, домик на самой окраине деревни Тихие Зори был её крепостью. Внутри царил идеальный покой, нарушаемый лишь шелестом старых книг и тихим бурчанием её фамильяра – старого, вечно недовольного ворона по имени Карл.

– Карл, – прошипела Вельда, не отрываясь от приготовления зелья для улучшения настроения, – ты слышишь это?

Карл, сидевший на стопке книг по некромантии, проскрипел.

– Слышу. Это новые соседи, купившие заброшенный участок.

Это был звук перфоратора, переходящий в звук циркулярной пилы, а затем в отчаянный крик человека, уронившего молоток на ногу. Звук исходил от дома, который всего месяц назад купила молодая пара – Вадим и его жена, чьё имя Вельда так и не удосужилась запомнить. Они решили, что их скромный домик недостаточно просторный для их творческих амбиций.

Вельда терпела. Она терпела, когда они меняли черепичную крышу на блестящий, как полированный автомобиль, металлопрофиль. Она терпела, когда они возводили гараж, который по размеру соперничал с небольшим ангаром. Она даже терпела, когда Вадим, явно вдохновлённый уроками YouTube, пытался покрасить фасад в цвет весеннего авокадо.

Но сегодня был предел.

Грохот. Треск. И затем – отвратительный визг, когда, видимо, Вадим решил пристроить к дому не просто веранду, а, судя по звуку, целую бальную залу.

Вельда медленно поставила котелок на огонь. Зелье для настроения было отложено. Настало время для зелья, которое она назвала «Архитектурные правки».

– Карл, – сказала Вельда, надевая свой самый любимый, слегка потрёпанный плащ, – кажется, пора провести инспекцию. И, возможно, внести пару замечаний.

Она вышла из дома. Солнце светило ярко, но над домом Вадима висело странное, фиолетовое марево, похожее на плохо отфильтрованный кадр из старого фильма ужасов.

Вельда подошла к границе своего участка, подняла руку и произнесла всего три слова на древнем, гортанном наречии. Это были не заклинания, а скорее очень строгие указания.

– …жужуба ююба, зизифус!!! – завершила ведьма.

Мгновенно перфоратор замолчал. Циркулярная пила остановилась, зажав доску посередине. Вадим, стоявший на стремянке с ведром краски, замер, как восковая фигура.

Затем началось.

Дом Вадима начал расти. Но не вверх, как хотелось Вадиму, а вширь и в стороны, приобретая совершенно нелогичные формы.

Гараж внезапно вытянулся и превратился в длинный, узкий коридор, заканчивающийся дверью, ведущей, судя по всему, в никуда. Веранда, которую они строили, изогнулась, превратившись в нечто, напоминающее гигантскую, изогнутую руку, которая замерла в угрожающем жесте. Окна начали менять форму, становясь то узкими щелями, то круглыми иллюминаторами, то вовсе исчезая, оставляя после себя лишь неровные дыры.

Дом стал похож на неаккуратно слепленного из пластилина монстра, который вот-вот начнёт переваривать самого себя.

Вадим, наконец, пришёл в себя. Он спрыгнул со стремянки.

– Что… что это?! Мой дом! Он выглядит, как арт-инсталляция, которую я бы возненавидел на выставке!

Вельда, скрестив руки на груди, подошла ближе.

– Это, дорогой сосед, называется Архитектурная фантазия. Твой дом отражает твои амбиции. Ты хотел больше пространства? Ты его получил. Ты хотел быть оригинальным? Поздравляю.

– Но… это же невозможно! Это же…

– Это магия, Вадим. И она не любит, когда её игнорируют. Ты нарушил гармонию места. Ты шумел и портил вид. Я просто дала твоему дому голос.

Вадим посмотрел на свой дом-монстр, на котором теперь красовался одна из его старых, забытых шин, торчащая из стены вместо звонка.

– Я… я не знал. Я думал, что это просто старый дом, и его можно переделать под себя.

– Ты же не интересовался в воскресенье в 7 утра нужен ли кому-то кроме тебя твой ремонт. Здесь всё имеет свою историю, Вадим. И свой порядок. А ты пытался переписать его перфоратором.

Вельда уже собиралась вернуться к своему зелью, когда услышала шаги. Из-за угла дома-монстра, который теперь казался немного меньше, вышла его жена, держа в руках пульт от ворот.

– Вадим, ты видел, что случилось с нашими воротами? Они стали готическими. И они требуют пароль. Пароль, который я не знаю!

Вадим побледнел.

– Я думаю, это Вельда…

Вельда довольно развернулась и ушла домой.

Спустя пару часов раздался осторожный стук в дверь. Вельда вышла к внезапным гостям. На пороге стоял Вадим и его жена. Ведьма увидела, как отчаяние и страх в глазах соседей сменились пониманием. Они поняли, что столкнулись не просто с плохим соседом, а с чем-то гораздо более древним.

Вадим, собрав всю свою смелость, обратился к ведьме. Он выглядел как человек, который только что осознал, что его собственность может быть аннулирована магией.

– Вельда, – начал он, сглотнув. – Простите. Мы были идиотами. Это ужасно. Мы не хотели Вас беспокоить. Мы… мы просто очень хотели чуть перестроить наш дом.

Вельда молчала, ожидая.

– Я понимаю, что простыми извинениями не исправить… вот это. – Он указал на стену, где теперь красовался огромный, нелепый витраж из оконных стёкол. – Поэтому… мы бы хотели предложить вам компенсацию.

– Мы только что забронировали для Вас путёвку. На две недели. На островах. Со всем включено. Там тихо, там нет стройки, и я уверен, что там нет ни одного перфоратора. Пожалуйста, отдохните, пока мы доделаем ремонт. Только верните, пожалуйста, всё обратно.

Острова? Шум прибоя, горячий песок, и, главное, никакого стука молотков.

Она посмотрела на дом. Он всё ещё выглядел нелепо, но уже не так агрессивно. Он как будто слегка осел, примирившись с новой реальностью.

– Две недели тишины, – задумчиво произнесла Вельда.

– Конечно, тишина! И только свежие фрукты и коктейли! – поспешно подтвердил Вадим.

Вельда улыбнулась. Это была не злая, а скорее удовлетворённая улыбка.

– Хорошо, Вадим. Две недели. Но когда я вернусь, я ожидаю, что ваш дом будет достроен и будет выглядеть как минимум в стиле домик в деревне, а не Арт-деко для пьяного гнома. Иначе я превращу ваш гараж в компостную яму.

– Будет сделано! – хором ответили Вадим и его жена.

Вельда развернулась и вошла обратно в дом.

– Карл, – сказала она, входя в уютную тишину. – Собирай вещи. Кажется, у нас отпуск на островах.

Карл, с трудом поднялся со стопки книг.

– Надеюсь, там есть приличные черви. Но ты была права. Строительство – это всегда зло. Но хороший отпуск может сделать даже самый громкий ремонт немного сносным.

Вельда рассмеялась, впервые за долгое время, и приготовилась паковать чемодан. А дом Вадима, оставшись один, тихонько вернул свои окна в квадратную форму, но оставил на крыше гигантский, гордый, но совершенно бесполезный павлиний хвост. А Вадим и Вельда остались довольны.

Незваная гостья

Илья жил жизнью, которую можно было назвать образцово-показательной для человека, перешагнувшего тридцатилетний рубеж. Его утро начиналось с овсянки, приготовленной строго по семейному рецепту с ягодами или фруктами, и просмотра новостей без эмоционального вовлечения. Рабочий день в IT-компании, где он занимал должность старшего аналитика, был расписан по минутам, а вечера посвящались либо чтению научно-популярной литературы, либо просмотру документальных фильмов о космосе. Квартира, расположенная в относительно новом районе, сияла чистотой и порядком. Книги стояли по алфавиту, пульты лежали на строго отведённых местах, а пыль… ну, а пыль просто не смела появляться.

Илья ценил стабильность, логику и предсказуемость. В его мире не было места хаосу.

По крайней мере, так было до того злополучного дня.

Звонок в дверь раздался в семь вечера, когда Илья как раз заканчивал свой еженедельный ритуал – полировку хромированных деталей на кофеварке. Он не ждал гостей. За дверью стояла Арина.

Пять лет.

Пять лет прошло с их расставания.

Тогда, на последней встрече в уютном кафе, она была воплощением гламура: идеально уложенные светлые локоны, безупречный макияж, обтягивающее платье и сумочка, стоимость которой, по ощущениям Ильи, превышала его месячную зарплату.

Они расстались мирно, по обоюдному согласию – слишком разные характеры, слишком разные цели в жизни. Он тогда вздохнул с облегчением. Постоянные походы по модным и светским мероприятиям его утомляли.

Сейчас перед ним стояла совершенно другая Арина. Вместо блонда на её голове красовалась копна ярко-рыжих волос, заплетённых в небрежные косички с вплетёнными в них цветными нитями. Лицо практически без макияжа, но украшено россыпью веснушек и большими, блестящими глазами. На ней был объёмный свитер крупной вязки, из-под которого виднелась длинная юбка с этническим узором. На шее болтались многочисленные амулеты и бусы, а из огромной холщовой сумки торчал пучок засушенных трав. От неё пахло чем-то странным, напоминающим старую церковь и кошачье ложе.

– Илья! – воскликнула она, и голос, когда-то звонкий и немного писклявый, теперь звучал низко и бархатисто. – Привет! Узнал?

Илья моргнул.

– Арина? Ты очень изменилась.

– О да! Это был долгий путь к себе, – она расплылась в загадочной улыбке. – Слушай, у меня тут небольшая проблема с арендой, а клиенты… ну, они бывают очень требовательны к энергетике пространства. Могу я пожить у тебя недельку-другую? Мне недолго, честно.

Илья, будучи человеком логичным, быстро взвесил все «за» и «против». Расстались мирно. Он жил один. Комната для гостей пустовала. Отказать причин не было.

– Заходи, – выдавил он, пытаясь осознать, что пучок трав в сумке не декоративный.

Первые дни прошли относительно спокойно. Арина заняла гостевую комнату и, к удивлению Ильи, оказалась довольно тихой соседкой. Она часами сидела в своей комнате, что-то бормоча себе под нос, иногда из-за двери доносились странные звуки – позвякивание колокольчиков, шелест карт, невнятные приглушенные голоса. Илья списывал это на её новое увлечение. Девушка, как выяснилось, стала профессиональной гадалкой и медиумом.

– Ты серьёзно? – спросил он как-то за завтраком, наблюдая, как Арина размешивает овсянку серебряной ложкой.

– Абсолютно, – кивнула она. – Сейчас очень большой спрос на духовное развитие. Люди потеряны, Илья. Им нужен проводник.

– Проводник… к чему? К информации, что их бывший изменяет с коллегой, а в конце месяца денег не будет?

Арина улыбнулась.

– Не только. Иногда приходят души, которым нужна помощь. Или послания.

Илья покачал головой. Это было за пределами его понимания.

Странности начались на третий день. Сначала по мелочи. Илья обнаружил, что его идеально расставленные книги на полке перемешались в хаотичном порядке, а некоторые оказались перевёрнуты корешком вверх.

Он подумал, что это Арина, но она клялась, что даже не заходила в его кабинет. Затем его любимая кофеварка, которая всегда готовила эспрессо с точностью швейцарских часов, однажды утром выдала крепкий, ароматный чай. Зелёный, с мятой.

– Это что, шутка? – спросил он Арину, держа в руке чашку с неожиданным напитком.

Она лишь пожала плечами.

– Энергии, Илья. Они очень чувствительны к новым людям. Наверное, кто-то из моих… ну, гостей, решил пошутить.

– Гостей? – Илья огляделся. – У тебя тут ещё кто-то есть?

– Ну конечно! – Арина распахнула глаза. – Я же медиум. Духи со мной всегда. Они, знаешь ли, очень любопытны.

Илья почувствовал, как его мир, построенный на логике и порядке, начинает давать трещины.

На следующий день его безупречно чистая ванная комната оказалась залита водой, а в центре лужи плавал резиновый тигрёнок. Причем, тигрёнок был не его. У Ильи не было резиновых тигрят.

– Это что?! – его голос дрожал от возмущения.

Арина выглянула из своей комнаты, на ходу заплетая очередную косичку.

– Ой, это, наверное, Дорис. Она очень любит ванны. Покойная Дорис, между прочим, была известной оперной певицей. Тигрёнка, кажется, она прихватила из соседской квартиры. Сорри.

Илья, который никогда не повышал голоса, почувствовал, что теряет контроль.

– Ты хочешь сказать, что в моей квартире живёт призрак оперной дивы, которая ворует резиновых тигрят и устраивает потопы?!

– Ну, не то чтобы живёт… иногда заходит в гости. И да, она порой бывает очень эксцентричной. Она же артистка!

Арина улыбнулась так, будто это было самое обычное дело.

Вечером, когда Илья пытался сосредоточиться на отчёте, его ноутбук вдруг начал воспроизводить старые хиты 90-х на максимальной громкости. Причём, это были не его плейлисты. Это был какой-то сборник, который, казалось, существовал только в воспаленном воображении диджея из провинциального клуба. Он выключил его, но музыка тут же возобновилась. Снова и снова.

– Арина!!! – закричал Илья.

Она появилась в дверном проёме, держа в руках колоду Таро.

– Что такое, Илюша?

– Мой ноутбук! Он сошёл с ума!

Арина прислушалась к доносящимся из динамиков звукам «Руки Вверх!»

– А, это Игорь. Он очень любил дискотеки. Погиб в 98-м, так и не дотанцевал свой последний танец. Не обращай внимания, он скоро успокоится.

Илья посмотрел на неё.

– Ты серьёзно? Ты говоришь мне, что в моём ноутбуке застрял призрак дискотечного фаната?!

– Ну, не застрял, просто подключился. Ему скучно.

На следующий день Илья обнаружил, что его фикус, который он бережно лелеял годами, вырос за ночь на полметра, обвил потолок и начал распускать цветы, пахнущие колбасой.

– Это уже слишком! – прорычал Илья, глядя на цветущий, пахнущий колбасой фикус.

Арина, которая как раз проводила сеанс с клиенткой (женщина в слезах рассказывала о своём коте, который перестал есть корм), лишь кивнула.

– О да, это Фрося. Она была травницей. Очень любила растительность. И колбасу.

Клиентка, услышав это, вдруг перестала плакать и заинтересованно посмотрела на фикус.

– А она может сказать, почему мой Барсик не ест?

Арина прищурилась, приложила ладонь к стволу фикуса.

– Фрося говорит, Мурзик просто устал от куриного паштета. Ему хочется чего-то более экзотического. Например, мраморной говядины.

Клиентка изумленно распахнула глаза.

– Но я же давала ему вчера!

Илья почувствовал, что его мозг закипает.

Вечером, когда Арина принимала очередного клиента – мужчину в строгом костюме, который, судя по всему, был каким-то крупным бизнесменом, – из гостевой комнаты послышался приглушенный стон.

– Что это? – спросил Илья, который пытался приготовить себе ужин, но обнаружил, что его кастрюли начали самостоятельно танцевать на плите.

– Ой, не обращай внимания, – махнула рукой Арина. – Это просто Дух недовольного арендатора. Он иногда жалуется, что он много платил за электричество.

Бизнесмен, до этого сидевший с каменным лицом, заметно напрягся.

– А это не опасно?

– Да нет, он просто ворчун, – успокоила его Арина. – А вот Ваша аура, господин Смирнов, сегодня очень беспокойна. Вижу, что сделка, о которой вы думаете, принесёт Вам не только прибыль, но и очень волосатого гоблина.

Смирнов побледнел.

– В лице Вашего нового партнёра, – спокойно дополнила Арина.

Илья понял, что так дальше продолжаться не может. Его квартира превратилась в проходной двор для неупокоенных душ и их странных запросов. Он не мог сосредоточиться на работе, не мог спокойно поесть, даже сходить в туалет стало проблемой, потому что Дорис, призрак оперной певицы, могла в любой момент включить оперную арию на полную громкость на всю квартиру.

– Арина! – Илья вошёл в её комнату, где она сидела в позе лотоса, окруженная благовониями и мерцающими свечами. – Это должно прекратиться! Моя квартира – не филиал загробного мира!

Арина открыла глаза. Они светились каким-то внутренним светом.

– Илья, ты не понимаешь. Это не я их призываю. Они просто притягиваются к моей энергии. И к твоему порядку, кстати. Они видят в нём вызов.

– Вызов?! Мой порядок – это вызов для призраков?!

– Ну да. Ты такой приземлённый. А они хотят немного развеяться.

– Развеяться?! Мои кастрюли танцуют, фикус пахнет колбасой, а в ноутбуке Игорь из 98-го года! Это не развеяться, это безумие!

Арина вздохнула.

– Ладно, Илья. Я понимаю, это сложно. Но я правда не могу их просто выгнать. Это их право – быть здесь.

– Нет! Это моё право – жить в нормальной квартире!

– Хорошо, – сказала Арина, поднимаясь. – Давай попробуем кое-что.

Она начала расставлять по квартире кристаллы, зажигать новые благовония с запахом чего-то острого и травяного, и бормотать заклинания на непонятном языке. Илья наблюдал за ней с недоверием.

– Это поможет?

– Возможно, это создаст барьер. Или привлечёт кого-то, кто сможет их успокоить.

Илья не успел спросить, кого именно, как из-за шкафа выплыла полупрозрачная фигура пожилой женщины в старомодном платье.

– О, привет, бабушка Вера! – радостно воскликнула Арина. – Рада тебя видеть!

Бабушка Вера посмотрела на Илью с лёгким укором.

– Молодой человек, вы бы прибрались на рабочем столе. Пыли-то сколько! И вообще, что это за музыка? Сплошное безобразие!

Илья оцепенел. Это была не просто бабушка. Это была Бабушка, которая следила за порядком сильнее, чем Илья.

– Бабушка Вера – мой главный дух-наставник, – шепнула Арина. – Она очень строгая, но справедливая.

Бабушка Вера тем временем уже осматривала кухню.

– И что это за безобразие с фикусом? Колбасой пахнет! Вы что, совсем с ума сошли? Растение должно пахнуть цветами, а не едой! А эти кастрюли… танцуют? Это же не дискотека!

Бабушка Вера нахмурилась, и кастрюли, до этого кружившиеся в медленном вальсе, с грохотом упали на пол.

Следующие несколько дней стали для Ильи настоящим испытанием. Бабушка Вера оказалась самым страшным призраком из всех. Она была не просто духом, она была воплощением советской пенсионерки-общественницы, которая теперь, видимо, решила навести порядок в загробном мире, начиная с квартиры Ильи. Она постоянно комментировала его одежду:

– Что это за растянутая футболка? Приличный человек так не ходит!

Еду:

– Опять эта ваша овсянка? А где гречка? Где котлеты?

И, конечно, его уборку.

– Илья, – раздавался её голос из ниоткуда, когда он садился смотреть документальный фильм, – а вы пыль под диваном вытирали? А за холодильником?

Игорь из 98-го года, призрак дискотечного фаната, теперь включал не попсу, а марши, под которые Бабушка Вера проверяла чистоту. Дорис, оперная певица, вообще перестала появляться – видимо, Бабушка Вера отчитала её за воровство тигрят. Даже фикус перестал пахнуть колбасой и вернулся к своему нормальному, хоть и гигантскому, состоянию.

Илья чувствовал себя загнанным в угол. Его квартира, когда-то пример порядка, теперь была под контролем призрака-уборщицы.

– Арина, – сказал он однажды утром, когда Бабушка Вера в очередной раз отчитала его за немытую кружку, которая, по его мнению, была идеально чистой. – Она… она невыносима.

Арина пожала плечами.

– Ну, зато порядок. И остальные духи теперь боятся тут шалить.

Илья посмотрел на неё.

– Ты это специально сделала?

Арина загадочно улыбнулась.

– Я просто вызвала того, кто мог бы восстановить баланс. Бабушка Вера – очень сильный дух. Она любит порядок. И дисциплину.

Прошла неделя.

Илья, к своему удивлению, начал привыкать. Он даже обнаружил, что его квартира стала чище. Гораздо чище. Бабушка Вера заставляла его делать генеральную уборку через день, но зато теперь не было ни танцующих кастрюль, ни дискотечных хитов, ни колбасного фикуса. Только укоризненный взгляд Бабушки Веры, если он забывал протереть пыль на подоконнике.

Арина объявила, что нашла новую квартиру и скоро съедет. Илья почувствовал смешанные чувства. С одной стороны, он радовался возвращению к нормальной жизни. С другой… он уже привык к этому безумию. И к Бабушке Вере, которая, как оказалось, умела не только критиковать, но и давать вполне дельные советы по ведению домашнего хозяйства.

В день отъезда Арина обняла его.

– Спасибо, Илья. Ты очень помог.

– И тебе спасибо, – ответил он, осматривая свою безупречно чистую квартиру. – Моя жизнь уже никогда не будет прежней.

Арина улыбнулась.

– Это хорошо. Порядок – это, конечно, важно. Но иногда нужно немного хаоса, чтобы понять, насколько ты ценишь порядок.

Она вышла, оставив после себя лёгкий запах розы и чего-то ещё… чего-то, напоминающего старую церковь и кошачье ложе.

Илья закрыл дверь.

Тишина.

Никаких танцующих кастрюль.

Никакой дискотеки.

Никакого фикуса с колбасой.

– Молодой человек, – раздался вдруг голос Бабушки Веры из-за спины. – А вы мусор вынесли? И вообще, что это за носки под диваном? Непорядок!

Илья вздохнул. Да, его жизнь уже никогда не будет прежней. Он был образцово-показательным человеком, живущим в образцово-показательной квартире, в которой, помимо него, теперь обитал очень требовательный призрак. И, кажется, он был к этому готов. Или, по крайней мере, привыкал. Может быть, это и было его новая, слегка мистическая и очень чистая, нормальная жизнь.

Дарёному коню в зубы не смотрят!

Гремлин Гарольд был, мягко говоря, одержим халявой. Не просто любил, а брал всё, что было бесплатно. Для Гарольда бесплатное было синонимом слова священное.

Он верил в мантру:

«Дарёному коню в зубы не смотрят», и применял её ко всему, что не требовало немедленной оплаты.

Его жилище, расположенное в уютной, но слегка заброшенной норе под корнями старого дуба, напоминало склад забытых и ненужных вещей. Там были: тридцать три разномастных носка и все левые, сломанный граммофон, который играл только одну ноту, очень фальшивую «ля», крышечки, баночки, старые детали от неизвестной ему техники, и, конечно, его гордость – коллекция просроченных продуктов.

Однажды, когда Гарольд бродил по рыночной площади, притворяясь, что просто осматривает ассортимент, гном по имени Бронзобород, владелец лавки «Сыр и Сметана», почесал свою густую бороду.

– Эй, Гарольд! – крикнул Бронзобород. – У меня тут осталась банка сметаны. Ей уже три недели как конец, но я не хочу её просто выбрасывать. Даром! Забирай!

Глаза Гарольда загорелись, как два фонаря в тумане. Просроченная сметана! Это был высший пилотаж халявы – вещь, от которой все отказываются, но которую он с радостью примет.

– О, Бронзобород, ты настоящий друг! – пропищал Гарольд, хватая банку. – Дарёному коню в зубы… ну, ты знаешь!

Он поспешил домой, предвкушая, как добавит эту жемчужину к своей коллекции. Проблема была в том, что Гарольд не просто принимал подарки, он их использовал. Он пытался пить просроченное молоко и мазать на хлеб заплесневелый сыр.

Сметана, однако, была особенной. Она не просто пахла странно, она уже жила своей жизнью. Стоило Гарольду открыть банку, как из неё вырвалось облако зелёного, шипящего газа.

– Прекрасно! – решил Гарольд. – Это, должно быть, ферментация! Очень полезно для пищеварения!

Он зачерпнул ложкой внушительную порцию и отправил её в рот.

В ту же секунду Гарольд почувствовал, что его внутренности решили устроить карнавал. Его живот раздулся до размеров тыквы, а сам он начал светиться тусклым, кислотным светом.

– Ой-ой, – пробормотал он, хватаясь за бока. – Кажется, конь оказался немного староват.

Внезапно, из банки вырвался странный звук и маленький, пухлый, ярко-зелёный сгусток. Сгусток приземлился на пол и начал быстро расти.

– Что это?! – испугался Гарольд.

Сгусток превратился в крошечное, но очень сердитое существо, похожее на мох с усами. Это был маленький, просроченный молочный дух, рождённый из брожения.

– Ты! – пропищал дух, указывая крошечным пальцем на Гарольда. – Ты меня разбудил! Я был в покое тысячу лет в этой банке! И ты меня съел!

– Я… я думал, это просто бесплатная сметана, халява, понимаешь? – промямлил Гарольд.

– Халява? – взвизгнул дух. – Я – То, что нужно было выбросить! А теперь ты меня выпустил!

Молочный дух начал метаться по норе, и всякий раз, когда он касался предмета, тот начинал портиться с удвоенной скоростью. Сломанный граммофон заржавел, левые носки слиплись

в один большой, липкий ком, а коллекция просроченной еды начала издавать звуки, похожие на бульканье болотного чудовища.

Гарольд понял, что его любовь к халяве привела к тому, что он выпустил огромную живую проблему.

– Пожалуйста, вернись в банку! – взмолился Гарольд.

– Никогда! – крикнул дух. – Я буду жить в твоей норе и портить всё, что ты не купил!

Гарольд в отчаянии оглядел свою захламлённую нору. Он вспомнил золотое правило, которое всегда произносил: «Дарёному коню в зубы не смотрят». Он посмотрел на духа, который уже пытался испортить его любимую, но бесполезную, сломанную метлу.

– Слушай, Сметана, – сказал Гарольд, внезапно обретя ясность мысли, вызванную ужасом. – Ты абсолютно прав. Ты – проблема. И я не хочу тебя.

Он быстро схватил пустую банку из-под сметаны.

– Я тебя не просил! И раз ты не куплен, а просто подарен… – Гарольд сделал глубокий вдох. – …то я тебя не принимаю!

И с этими словами, Гарольд подтолкнул банку прямо к духу.

– Я отказываюсь от этого дара! Возвращайся туда, откуда пришёл!

Молочный дух опешил. Никто и никогда не отказывался от подарка, который ему вручили, даже если этот подарок был вонючим, зелёным и разрушительным.

– Но… это же халява! – пролепетал дух.

– Халява, которая мне не нужна, – отрезал Гарольд. – Я не хочу последствий! Уходи!

Поскольку Гарольд официально отказался от этого подарка, дух потерял свою силу. Он начал сжиматься, зеленеть и шипеть, пока не втянулся обратно в пустую банку. Гарольд тут же захлопнул крышку и запечатал её грязным воском.

Он взял банку и, не оглядываясь, понёс её обратно к лавке Бронзобородa.

– Бронзобород! – крикнул Гарольд. – Вот твоя сметана! Я её не беру!

Гном удивлённо посмотрел на него.

– Но ты же взял её?

– Я ошибся, – серьёзно сказал Гарольд. – Я понял, что иногда, если подарок приносит только неприятности, лучше просто сказать «нет».

Бронзобород пожал плечами и поставил банку в мусорный бак.

Гарольд вернулся домой. Нора была всё ещё в беспорядке, но он впервые за долгое время почувствовал себя легче. Он взял один из своих левых носков, выбросил его, после чего собрал все остальные. Затем подошёл к граммофону. Вместо того чтобы пытаться починить его, он взял молоток и аккуратно разбил его на мелкие части, которые можно было сдать как металлолом.

С тех пор Гарольд не перестал любить халяву, но его подход изменился. Он понял, что не всякая «бесплатная» вещь несёт пользу. Иногда самая дорогая цена – это та, которую ты платишь, когда принимаешь то, что тебе не нужно просто потому, что оно бесплатно.

Он по-прежнему говорил: «Дарёному коню в зубы не смотрят», но теперь добавлял с мудрой усмешкой: «…если только этот конь не пытается тебя съесть или превратить твой дом в болотную жижу». И это было началом его долгого пути к разумному потреблению.

Охотница на богатых кавалеров

Вира задумчиво разглядывала своё отражение в позолоченной раме огромного зеркала в дамской комнате. На ней было платье цвета пыльной розы – тренд сезона, как уверял глянцевый журнал. На ногах туфли-лодочки, каблуки, которые являлись самым изощрённым орудием пытки со времен испанской инквизиции. Всё ради Великой Цели.

Охоты.

Вира была не просто авантюристкой с амбициями. Вира была феей. Не та, что поёт серенады мотылькам и спит в бутонах ромашек. Нет. Она была из тех фей, что предпочитали договоры с полевыми духами и знали толк в кореньях, деньгах и мужчинах с полным кошельком. А точнее – в том, как деньги перекочевывали из мужчин в её шёлковый клатч.

Лесная глушь с вечными танцами под луной и питанием росой наскучили. Современный мегаполис, этот каменный лес, полный одиноких и щедрых самцов, манил её, как муху – мёд. И Вира переехала.

Её стратегия была безупречна. Театральные премьеры – исключительно партер. Благотворительные приёмы, где щедрость была публичным актом. И, как вершина тактического гения, светские девичники. Именно там, в гуще сплетен и шампанского, можно было узнать всё: кто развёлся, кто получил наследство, у кого бизнес пошёл в гору.

Сегодняшний девичник в особняке Светской львицы Амалии был особенно многообещающим. Вира, притворившись высокородной дамой, скользила в кругу светских львиц, улавливая обрывки фраз.

«…а Петя, представляешь, купил себе яхту новую…»

«…мой Мишенька после развода просто засыпал меня подарками…»

«…а этот кризис его вообще не коснулся, золотой мужчина…»

Вира мысленно составляла досье. Петя (яхта) – перспективно. Мишенька (щедрый) – в список. Золотой мужчина – приоритет номер один.

Именно в этот момент её радар засёк другую волну. Две дамы в нарядах от кутюр, чей возраст можно было определить лишь с помощью углеродного анализа, перешептывались, бросая в её сторону не самые добрые взгляды. Их шёпот, тихий для человеческого уха, для фейского слуха был ясен как божий день.

– Смотри, это же та самая… Вира, кажется. Местная охотница на богатых кавалеров.

Вторая фыркнула, поправляя жемчужное колье:

– Но ведь здесь, дорогая, нет мужчин. Вообще. Чисто женское собрание.

Первая усмехнулась, поднося к губам фужер:

– Как видишь, её это не останавливает.

Вира почувствовала, как по спине пробежали мурашки – не от стыда, а от злости. Её раскусили. Но отступать было не в её правилах. Она гордо подняла подбородок и направилась прочь, к столу с канапе, излучая такое достоинство, будто только что получила Нобелевскую премию по охоте на олигархов.

Вечер проваливался. Информация была, а вот конкретной цели – нет. Отчаяние начало подкрадываться, пахнущее не шампанским, а провалом. И тогда Вира решила пойти на отчаянный шаг. В укромном уголке зимнего сада, задрапированном плющом, она нашла старую, молчаливую каменную нимфу – фонтан в виде девушки с кувшином.

«Что ж, – подумала Вира, – если женихи не идут к Вире, Вира пойдёт к женихам».

Достав из клатча крошечный мешочек с лесной пыльцой, она прошептала древнее заклинание, вплетая в него свои желания.

– Пусть тот, чьё сердце и кошелёк ищут спутницу, найдут дорогу ко мне. Пусть он будет щедр, одинок и… чтобы уж наверняка… очень, очень богат.

Она дунула, и золотистая пыльца, кружась упала в воду фонтана. Ничего не произошло. Только эхо её заклинания затерялось в щебете птиц из вольера.

Сгорбившись, Вира пошла к выходу. Провал. Полный и безоговорочный. Она уже представляла, как летит обратно в свой лес, где её встретят лишь насмешливые сверчки и мудрые, но бедные, лешие.

– Возможно с Сатирами в лесу будет чуть веселее, – бормотала под нос фея.

На ступеньках особняка она чуть не споткнулась о мокрую тряпку. Рядом стоял мужчина в рабочей одежде с надписью «Клининг-сервис». Он мыл фасад, и его руки были испачканы мыльной пеной.

– Осторожнее, пожалуйста, – сказал он мягким, низким голосом. – Тут скользко.

Вира брезгливо отдёрнула подол платья. И вдруг… что-то щёлкнуло. Не в голове, а где-то глубже, в самой её фейской сущности. Она посмотрела на него пристальнее. Ни намёка на дорогие часы или модную одежду. Но от него исходило странное, тёплое сияние. То самое, что она когда-то видела у самых старых и мудрых деревьев в лесу – сияние спокойной, нерушимой силы.

– Извините, – пробормотала она.

– Пустяки, – он улыбнулся, и в уголках его глаз собрались лучики морщин. – Хороший домик. Говорят, брат хозяйки – владелец крупнейшей клининговой компании в стране. Вот приехал лично сложный заказ проверить.

Она собиралась уже уйти, как вдруг заметила, как он аккуратно, почти нежно, смахнул с лестницы запутавшегося и испачкавшегося шмеля.

– Ты осторожнее, браток, – тихо сказал он насекомому.

И тут сердце Виры, дремавшее веками под слоем прагматизма и жажды наживы, дрогнуло. Оно не просто дрогнуло – оно запрыгало, забилось и запело.

Она посмотрела на свои дурацкие туфли, на платье цвета розоватого пепла, на этот показной мир, и ей все стало до тошноты ясно.

– Знаете, – сказала Вира, и голос её звенел уже по-другому, по-настоящему, с лёгким лесным акцентом. – А у Вас на щеке мыльный пузырь.

Он смущенно провёл по щеке рукой.

– Наверное, смешно выгляжу.

– Нет, – искренне улыбнулась Вира. – Выглядите… замечательно. А не хотите, когда закончите Ваш сложный заказ, выпить со мной чашечку кофе? Я знаю одно место с отличными булочками.

Мужчина посмотрел на неё с удивлением, а потом его лицо снова озарилось той самой, не купленной за деньги, улыбкой.

– Меня зовут Роман и… Знаете, а я как раз обожаю булочки.

Они ушли вместе, оставив позади позолоту и шепотки. А в кармане рабочей куртки Романа лежал ключ от особняка и его новенького автомобиля,

Её заклинание сработало!

Просто Вселенная, как всегда, оказалась коварна и поставила его перед ней не в смокинге, а в рабочей робе.

А Вира думала, что нашла куда большее сокровище, чем все яхты Пети и подарки Мишеньки вместе взятые. Она нашла того, чье сердце было того же поля ягода, что и её, пусть и немного запылившееся в каменных джунглях.

Что видит Аля в магазине электроники?

Аля и Сергей стояли перед витриной с новейшими смартфонами уже минут десять. Аля, нежно поглаживая стекло, выбирала между «Кори X-20» и «Нейрофон Про Max».

– Вот этот, мне кажется, лучше ложится в руку, – говорила Аля, прикидывая гаджет к уху.

– Да, но у «Кори» камера лучше, – возражал Сергей, сверяясь с обзорами на своём стареньком, но верном аппарате.

Прошло десять минут. Десять минут, за которые обычно к покупателям подходят минимум трое консультантов, предлагая скидки, кредиты и бесплатные чехлы. Но в этом магазине, который гордо именовался «Цифра», царила абсолютная, звенящая тишина.

– Слушай, – наконец, прошептала Аля, озираясь по сторонам, – тут ни души. Может, они все в подсобке обедают? Сходи, найди кого-нибудь.

Сергей, бодрый и уверенный в своей способности ориентироваться в пространстве, отправился на поиски живого человека. Аля осталась стоять у витрины, чувствуя себя экспонатом. Она наблюдала, как Сергей сделал два полных круга по основным рядам, миновал отдел крупной бытовой техники, где, кажется, телевизор сам переключал каналы и вернулся, почёсывая затылок.

– Пусто, – доложил он. – Ни одного консультанта.

Аля глубоко вздохнула.

– Ладно, я сама.

Она решительно шагнула в соседний ряд, где продавались планшеты. И тут она увидела его. Молодой человек в ярко-синей футболке с надписью «Я знаю, где лежит ваш пароль», не шёл, а именно проплывал по воздуху, метрах в тридцати от неё, игнорируя пол и гравитацию. Он двигался с целеустремленной скоростью, не обращая на Алю никакого внимания, словно она была частью товара.

Аля замерла, её челюсть отвисла. Она моргнула раз, потом второй. И парень исчез. Просто растворился в воздухе, не оставив даже лёгкого вихря.

«Мне нужно выспаться, – подумала Аля с абсолютной уверенностью, что это был глюк. – Или в кофе что-то не то подмешивают».

Она побрела дальше, чувствуя себя героиней плохого сна, и вышла к окну выдачи товара. Но там она увидела то, что заставило её окончательно усомниться в собственном рассудке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.